

01.3
5028a

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
ЕВРОПЫ**

91-3
15028a

**КОНЦА XIX —
НАЧАЛА XX ВЕКА**

ХРЕСТОМАТИЯ

Составитель В. Н. Штинов

ЕКАТЕРИНБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1991

ЗА ЧТО НАМ ЕГО БЛАГОДАРИТЬ?¹

Открытое письмо Карлу Каутскому

Многоуважаемый и дорогой товарищ!

Разрешите мне, прежде всего, выразить Вам свою благодарность за удовольствие, которое мне доставили ваши речи на Штутгартском партийном съезде германской социал-демократии. В связи с выраженным Вам горячим одобрением со стороны подавляющего большинства делегатов партийного съезда эти речи представляют политическое событие большого значения. Если раньше речи и статьи некоторых членов германской партии, — гг. Бернштейна, Конрада Шмидта и Гейне, — могли возбудить в сердцах наших врагов приятную надежду, что германская социал-демократия собирается покинуть революционную почву **классовой борьбы** и опуститься в болото оппортунизма, то теперь эта надежда рассеялась, как дым. Теперь не может быть никаких сомнений. Теперь всякий убеждается, что гг. Бернштейн, Конрад Шмидт и Гейне отнюдь не выражали воззрений партии и что тов. Зингер мог с полным правом сказать в своей заключительной речи: мы те же, что были, и такими и останемся. Да, германская социал-демократия действительно осталась, чем всегда и во всякие времена была: верным знаменосцем революционной мысли нашего времени!

К сожалению, в одной из Ваших речей падаются места, способные до известной степени ослабить глубокое и отрадное ее впечатление и подать в будущем повод к значительным недоразумениям. Я имею здесь в виду Вашу речь против Бернштейна, а так как спорные ее места должны были, несомненно, поразить не меня одного, но и многих других, то я, вместо частной беседы с Вами, хочу их подвергнуть обсуждению в открытом письме к Вам. В своей речи Вы сказали: «Бернштейн не обескуражил нас, но заставил нас размышлять, будем ему за это благодарны».

Это верно, но только отчасти. Бернштейн, действительно, несколько не обескуражил германскую социал-демократию. Это доказывают принятые на Штутгартском партийном съезде решения.

¹ Статья написана в октябре 1898 г. — *Сост.*

Но побудил ли он нас к размышлению, мог ли даже только? Думаю что вряд ли.

Чтобы побудить кого-нибудь к размышлению, необходимо и указать новые факты, или известные уже факты выставить в новом освещении. Бернштейн не сделал ни того, ни другого. Поэтому и не мог никого побудить к размышлению.

Или я, быть может, ошибаюсь в своей оценке литературной деятельности Бернштейна? Хорошо, посмотрим.

Само собою понятно, нас здесь интересует только та часть его писательской деятельности, которая на него навлекла известные упреки со стороны некоторых товарищей. Сюда относятся последние годы его деятельности. Можно быть различного мнения о пристрастии его литературных трудах, но здесь об этом распространяться нам незачем.

Итак, за последние годы Бернштейн боролся против того, что он назвал революционной фразой вообще, и против «теории катастроф» в частности. Центр тяжести его аргументации против этой теории заключается в указании на то, как он думает, несомненный факт, что многие выраженные Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом Манифесте» взгляды не нашли подтверждения в дальнейшем ходе развития социальной жизни. «Обострение общественных отношений, — говорит он, — совершалось не так, как это описывал Манифест. Не только бесполезно, но и чрезвычайно глупо скрывать это от себя. Число имущих не уменьшилось, а увеличилось. Огромное умножение общественного богатства сопровождается не быстро убывающим числом магнатов капитала, а растущим числом капиталистов всех степеней. Средние слои меняют свой характер, но они не исчезают с лестницы общественных градаций». Если мы присоединим к этим рассуждениям Бернштейна его замечания, что в некоторых отраслях промышленности концентрация совещается очень медленно и что впрямь торговые кризисы не должны иметь острого и всеобщего характера, как раньше, то можно сказать с полным правом, что этим исчерпываются все его аргументы против «теории катастроф». А теперь, многоуважаемый и дорогой товарищ, взгляните внимательно в эту аргументацию, и Вы сами убедитесь, что в ней нет ничего, абсолютно ничего, что нам не было бы уже сказано бесчисленное множество раз нашими противниками из буржуазного лагеря. Тогда вы должны будете также признать, что мы не имеем абсолютно никакого основания чувствовать себя обязанными по отношению к Бернштейну.

Вам, без сомнения, знакомы труды г. Шульце-Гевеверница. Возьмите, пожалуйста, его книгу «Zum sozialen Frieden» и прочтите во 2-м томе страницу 487 и следующие. Г. Шульце-Гевеверниц пытается там опровергнуть «теорию катастроф», которую он формулирует следующим образом: «Развитие крупной промышленности обозначает усиливающуюся деградацию рабочих в ряды недиффе-

ренцированного пролетариата, скопление богатства в немногих руках, исчезновение средних сословий, выступление социально-революционной партии». По мнению Шульце-Гевеверница, факты с этой теорией не сходятся: «Подробная статистика «Board of Trade» устанавливает для Англии противоположное явление, чем у социально-революционного направления устраняется почва под ногами. С одной стороны, хозяйственное положение рабочих в течение последних 50 лет постоянно улучшалось, с другой стороны, «то широко распространенное представление, по которому собственность сосредоточивается во все меньшем числе рук», оказалось ошибочным. Наконец, распространение акционерных обществ привлекает все более многочисленных собственников мелких сбережений к участию в прибылях крупных промышленных предприятий. Все эти обстоятельства, вместе взятые, по мнению Шульце-Гевеверница, открывают путь к мирному разрешению социального вопроса.

Подобные же воззрения он высказывает и в другом своем сочинении: «Der Grossbetrieb-einwirtschaftlicher und sozialer Fortschritt».

«Далеко не верно, что богатые становятся богаче, а бедные беднее; фактически происходит как раз обратное, что для Англии доказано статистически. К тому времени, как промышленные работодатели завоевывают в общественном и политическом отношении первое место, позади их начинают подниматься новые средние классы, которые крепнут сперва хозяйственно, потом политически» (с. 225). Рассуждения и выводы Шульце-Гевеверница относятся к Англии. Он признает, что в других странах отношения складываются иначе и что в Германии, например, «средние классы еще сильно убывают». Но он объясняет этот факт просто **отсталостью Германии** и таким путем указывает, что со временем то, что считает себя вправе утверждать по отношению к Англии, получит полное свое значение и для Германии.

Здесь не место показывать, как односторонни и тенденциозны рассуждения и выводы Шульце-Гевеверница. Вы это знаете, многоуважаемый и дорогой товарищ, конечно, гораздо лучше меня. Г. И. Гошен, как раз один из тех исследователей, которые хотели доказать, что в настоящее время в Англии находится в периоде образования новый средний класс, замечает в своей речи, произнесенной в декабре 1887 г. в Лондонском статистическом обществе: «Оскорбительное для статистиков утверждение о «числах, которые все могут доказать», обозначает только, что числа, которые никогда не говорят неправду, могут быть обработаны таким образом, что доказывают что-нибудь неверное. Числа сами по себе никогда не лгут, но всякий должен признать, что не существует другого, настолько точного и достоверного материала, который столь же легко мог бы подвергнуться искажению для специальных целей, как именно материал статистический». Эти слова Гошена приходят мне

на память всякий раз, когда я при случае перелистываю вышеупомянутые сочинения Шульце-Геверница. Но я сейчас не буду подробнее останавливаться на этом. Я хотел здесь только указать Вам, что Бернштейн лишь повторяет то, что за несколько лет до него было сказано Шульце-Геверником.

Но и Шульце-Геверниц не сказал абсолютно ничего нового. Еще до него несколько английских статистиков распространялись на ту же тему, как, например, уже упомянутый Гошен, точно так же несколько французских экономистов, как, напр., Поль Леруа-Болье в его «Опыте о распределении богатства и о тенденции к наименьшему неравенству социального положения», **Париж, 1881 г.** Можно сказать без преувеличения, что цитированные мною сочинения Шульце-Геверница представляют не что иное, как новую вариацию на старую тему, специально и подробнейшим образом обработанную Полем Леруа-Болье. Таким образом Бернштейн пережевывает только буржуазных экономистов. Почему же мы должны питать благодарность именно к нему, а не к этим экономистам? Почему мы должны утверждать, что не они, а он, Бернштейн, побудил нас к размышлению? Нет, высокоуважаемый и дорогой товарищ. Если уж действительно здесь приходится говорить о долге благодарности с нашей стороны, так будем же справедливы и направим нашу благодарность по надлежащему адресу. Обратимся с нею вообще ко всем приверженцам и почитателям «экономических гармоний» и прежде всего, разумеется, к бессмертному Бастиа.

Бернштейн выражал неоднократно свое сожаление о том, что «серьезные попытки научно проводить научный социализм еще очень единичны», и, принимаясь в своих «Проблемах социализма» за «придирчивую критику давно доказанных социал-демократических теорий и требований», он гордо заявляет, что «всякая теоретическая работа заключается в «придирчивой» критике признанных до того времени положений» и что «если «Neue Zeit» хочет быть теоретическим органом социал-демократии, то не может уклониться от этой «придирчивой» критики». «К тому же, — прибавлял он, — какое заблуждение не было когда-либо «давно доказанной истиной»? И что же было результатом его теоретической работы? Несколько мещанских соображений, вроде важности «принципа экономической самоответственности», — и затем... решительный поворот в сторону теоретической точки зрения противников научного социализма. Бернштейн преподносит нам «истины» новейшей буржуазной экономики и при этом воображает, что «развивает далее Марксову теорию за ту точку, на которой ее оставил великий мыслитель». Какое странное самообольщение! Можно повторить про Бернштейна, что Фауст сказал про Вагнера:

Он жадною рукой сокровищ ищет
И рад, когда червей находит дождевых.

При закрытии Штутгартского партийного съезда тов. Грейлих, принимая под свою защиту Бернштейна, сказал, между прочим, следующее: «Я глубоко убежден, что наше дело может только выиграть от критики. Немецкая социал-демократия получила великое наследие от своих великих мыслителей Маркса и Энгельса. Но и здесь мы имеем дело не с истиной в последней инстанции, а с наукою, которая всегда должна вновь сообразоваться с фактами». Ничего не может быть вернее. Но неужели тов. Грейлих действительно думает, что оставленное нам Марксом и Энгельсом великое наследие может что-нибудь выиграть от эклектической амальгамации с учениями буржуазных экономистов? Неужели, в самом деле, он может решиться назвать **критикою** не что иное, как совершенно **некритическое пережевывание этих учений**? А ведь у Бернштейна мы не находим ничего иного, как такое некритическое пережевывание. Только благодаря этому некритическому пережевыванию он мог нам преподнести своих **дождевых червей**.

Кстати, я замечу, что Бернштейн не один провинился в таком некритическом отношении к учениям наших противников, хотя именно у Бернштейна это выявилось особенно ярко. Еще и другие из наших ученых товарищей находят мимоходом удовольствие в доказательстве того, что даже к самому Марксу они могут «критически» относиться. С этой целью они берут его теорию в той искаженной форме, которая была ей придана буржуазными противниками, и затем с помощью заимствованных у этих противников аргументов они победоносно чинят свою «критику».

Вы, конечно, понимаете, высокоуважаемый и дорогой товарищ, что от **такого рода «критики»** может выиграть уж никак не социалистическая теория, а в лучшем случае лишь **то расположение, которым пользуются господа «критики» в кругах образованной буржуазии.**

Марксова теория не есть вечная истина в последней инстанции. Это верно. Но она является **высшею социальной истиной нашего времени**, и мы имеем столь же мало оснований выменивать эту теорию на мелкую монету **«экономических гармоний»** новоявленных Бастиа и Сэев, как и приветствовать сделанные в том же направлении попытки как **серьезную критику** и дарить им свое одобрение.

Простите мне это отступление, высокоуважаемый и дорогой товарищ. Я возвращаюсь теперь к Бернштейну, а именно, к ставшему отныне знаменитым эпизоду с **«конечной целью».**

II

После того как Бернштейн заявил о своем безразличном отношении к конечной цели, он увидел себя вынужденным объясняться и оправдываться. Но эти объяснения и оправдания ни к чему не повели. Когда я их читал, я все более убеждался в полезности того

давно испытанного правила, которого следовало бы неуклонно держаться всякому писателю; оно заключается в том, что сперва держат корректуру своих статей и лишь **затем сдают их в печать**, ибо корректуры, сделанные **после напечатания статьи**, редко поправляют дело. В то же время я себя спрашивал, что, собственно, могло побудить Бернштейна написать эту статью, в которой самым очевидным образом не было никакого логического смысла или, как говорят, ни ладу, ни складу. Сначала я думал, что он перелицевал по-своему, а'la Бернштейн, известное изречение, принадлежащее, если не ошибаюсь, Лессингу: «Если бы творец мира держал в одной руке всю истину, а в другой — стремление к ней и предложил мне выбирать между ними, я предпочел бы стремление к истине обладанию готовой истиною». Но потом я имел случай перелистать книгу «Zum sozialen Frieden» и увидел, что происхождение пресловутой фразы совсем иное.

По Шульце-Геверницу, старая английская экономика относилась враждебно к рабочему законодательству и должна была к нему враждебно относиться, поскольку оно вело к ограничению индивидуальной свободы взрослых людей. Между тем такого рода ограничения индивидуальной свободы были неизбежным результатом фабричного законодательства, которое, с своей стороны, должно было прогрессировать с ростом политического влияния рабочего класса. Эти условия подготовили в Англии почву для принятия и распространения теории континентального социализма, испытавшей, однако, при этом существенное изменение, так как «утверждение, что положение рабочего безнадежно», было, дескать, устранено. «Социализм теряет этим свою остроту, продолжает затем Шульце-Геверниц, и используется для обоснования законодательных требований. При этом, в сущности, безразлично, принимается ли или отвергается как конечная цель огосударствление всех средств производства; ибо если это требование для революционного социализма и необходимо, то не для практически-политического, который близкие цели ставит впереди более отдаленных» («Zum sozialen Frieden», т. 2, с. 98).

К представителям английского «практически-политического» социализма принадлежит, по Шульце-Геверницу, и Дж. Ст. Милль, который, хотя и не социалист «в духе Энгельса и Маркса», однако допускает далеко идущее вмешательство государства в хозяйственную деятельность индивида и является «первым политико-экономистом, который защищал необходимость распространять защиту в известных случаях и на взрослых мужчин» («Zum sozialen Frieden», т. 2, с. 99). Я утверждаю, что «практически-политическим» социалистом подобной же марки выступает в настоящее время и Эдуард Бернштейн. Шульце-Геверниц излагает нам историю развития «социалистических» взглядов Дж. Ст. Милля, причем опирается на его автобиографию. Мы, со своей стороны, можем точно так же пред-

ставить себе ход развития Эдуарда Бернштейна, принимая во внимание его собственные объяснения и приводя их в связь с вышеприведенными рассуждениями Шульце-Геверница о небольшом отклонении конечной цели для «практически-политических» социалистов.

Усвоив взгляд Шульце-Геверница и других гармонистов, будто ход развития социальной жизни в Англии опроверг воззрение Энгельса и Маркса, Бернштейн чувствует тяготение к описанному тем же Шульце-Геверницем «практически-политическому» социализму, в точке зрения которого конечная цель — огосударствление всех средств производства — является, действительно, чем-то почти безразличным, если даже не совершенно утопическим. И вот, проникнутый духом такого социализма, Бернштейн поспешил объявить во всеуслышание о своем новом отношении к конечной цели, причем вышеприведенное замечание Шульце-Геверница о конечной цели определило не только направление его мыслей, но и способ его выражений. Таким образом, дело становится совсем ясным, и знаменитая фраза, казавшаяся на первый взгляд в высшей степени абсурдной, получает очень ясный и очень определенный смысл. Правда, Бернштейн сам пугается этого смысла. Это доказывают его объяснения и оправдания. Это показывает также его письмо к Штутгартскому партийному съезду. В нем он говорит: «Прогноз, поставленный «Коммунистическим Манифестом» развитию современного общества, был верен, поскольку он характеризовал общие тенденции этого развития». Но дальнейшее содержание письма против в очевиднейшем противоречии с этими словами, и если сам Бернштейн этого не замечает или не хочет заметить, то все же это противоречие не подлежит никакому сомнению как для друзей нашего дела, так и для его недругов. Вы это отлично подчеркнули в своей речи в Штутгарте, сказав: «Он (Бернштейн) растолковывает нам, что число имущих капиталистов растет, что, следовательно, неверны основы, на которых мы построили наши взгляды. Да, если бы это было верно, тогда момент нашей победы не только был бы очень далеко отодвинут, но мы вообще не пришли бы к цели».

В таком же духе высказался товарищ Либкнехт: «Будь рассуждения Бернштейна верны, тогда мы могли бы похоронить свою программу и все свое прошлое, тогда мы перестали бы быть proletарскою партией».

С другой стороны, вскоре после появления бернштейновской статьи «Борьба социал-демократии и революции общества» профессор Юл. Вольф писал: «Важность его суждений не может быть переоценена. Это удар кулаком в лицо современной социалистической теории, открытое объявление ей войны («Illusionisten und Realisten in der Nationalökonomie». Zeitschrift für Sozialwissenschaft, 1898. Н. 4, s. 251).

Я абсолютно не желаю оспаривать право Бернштейна на ку-

лачную расправу с той самой партией, воззрения которой он ранее проповедовал. Всякий может менять свои воззрения. Но ему не следовало стараться нас убедить, что совершившаяся в его взглядах перемена не имеет существенного значения. Он должен был знать и понимать, что его новые взгляды неизбежно ведут к «социальному миру», который проповедуют г. Шульце-Геверни и компания. Словом, Бернштейн имел право сражаться с подлым забралом. Но так как он этого не сделал, то заслуживает это не благодарности, а горькой укоризны. Во время Возрождения и даже раньше были ученые, которые тщились доказать, что некоторые философы древности были христианами. Само собой разумеется, они на самом деле доказали не то, что хотели, но то, чего вовсе не имели в виду доказывать, а именно, что сами они покинули точку зрения христианства и стали язычниками. Нечто подобное приключилось и с нашими «учеными», взявшими Бернштейна под защиту; они доказали не то, что Бернштейн оказался верен социализму («в духе Энгельса и Маркса»), но что они сами заражены взглядами буржуазных «социал-политиков». Международная социал-демократия должна быть настороже против таких «ученых», иначе они могут ей причинить много зла.

III

Случай Бернштейна чрезвычайно поучителен для всякого, кто захочет об этом поразмыслить, — и лишь в этом смысле скажу я вместе с Вами, высокоуважаемый и дорогой товарищ, что Бернштейн заслуживает нашей благодарности. История его превращения из социал-демократа в «социал-политика» всегда должна будить приковывать внимание всех вдумчивых людей нашей партии. Товарищ Либкнехт объяснял этот переход влиянием английских условий. «Такой ум, как Маркс, — говорил он, — должен был находиться в Англии, чтобы написать свой «Капитал», Бернштейну же импонирует колоссальное развитие английской буржуазии». Неужели действительно необходимо быть Марксом, чтобы, живя в Англии, не подпасть влиянию английской буржуазии. В немецкой социал-демократии можно, думается мне, найти немало товарищей, которые, хотя и жили в Англии, остались все же верны социализму («в духе Маркса и Энгельса»). Нет, причина заключается не в том, что Бернштейн живет в Англии, а в том обстоятельстве, что он плохо освоился с тем самым научным социализмом, который взялся «научно проводить». Я знаю, многим это покажется невероятным, и тем не менее это так.

В моей статье «Бернштейн и материализм» в «Neue Zeit» я показал, как поразительно малы философские познания этого человека и как вообще превратны его представления о материализме. В статье, которую я теперь пишу для «Neue Zeit», я покажу, как плохо он себе усвоил материалистическое понимание истории. И

теперь я вас прошу обратить внимание, как поразительно мало он

понял в теории катастроф, на которую «критически» ополчился. Он следующим образом излагает нам «преобладающее в настоящее время в социал-демократии понимание хода развития современного общества».

«Согласно этому пониманию рано или поздно хозяйственный кризис огромной силы и размера путем порождаемой им нищеты так страстно воспламенит сердца против капиталистической хозяйственной системы, так неотвратно убедит народные массы в невозможности при господстве этой системы руководить данными производительными силами на общее благо, что направленное против этой системы движение приобретет непреодолимую силу, и под его напором таковая фатально рухнет. Другими словами, непреодолимый великий хозяйственный кризис расширится в всеобъемлющий общественный кризис, результатом которого будет политическое господство пролетариата, как единственного сознательно революционного класса, и совершающееся при господстве этого класса полное преобразование общества в социалистическом смысле»².

Скажите, высокочтимый и дорогой товарищ, в таком ли виде Вы себе мыслите социальную «катастрофу», которая рано или поздно должна наступить как неизбежный результат классовой борьбы? Разве и Вы того мнения, что такая «катастрофа» может быть только результатом огромного и притом всеобщего хозяйственного кризиса? Думаю, едва ли. Я думаю, что для Вас грядущая победа пролетариата не связана непременно с острым и всеобщим хозяйственным кризисом. Вы никогда так схематически не представляли себе дела. И, насколько я могу вспомнить, никто другой не понимал дела в таком виде. Правда, революционному движению 1848 г. предшествовал кризис 1847 г. Но из этого отнюдь не следует, что без кризиса «катастрофа» немислима.

И это верно, что во время сильного промышленного подъема трудно рассчитывать на крайнее обострение классовой борьбы. Но кто нам поручится за непрерывный промышленный подъем в будущем? Бернштейн полагает, что ввиду современных международных средств сообщения острые и всеобщие кризисы стали невозможны. Допустим, что это так и что застои в делах, как уже в 1865 г. сказал французский экономист Vatbie, будет только частичный — «l'engagement des produits ne sera que partiel». Но ведь никто не отрицает возможности повторения той ужасной «trade depression» — промышленной депрессии, которую мы только что проделали. Разве такие депрессии не доказывают самым наглядным и поразительным образом, что производительные силы современного общества переросли его производственные отношения? И разве рабочему классу действительно так трудно уразуметь смысл

² См. с. 29—30 наст. изд. — Сост.

этого явления? Что периоды промышленной депрессии, порождая безработицу, нужду и лишения, способствуют чрезвычайному обострению классовой борьбы, это очень наглядно показывает не Америка.

Бернштейн проходит мимо всех этих соображений. Все наши ожидания от будущего он ставил в зависимость от острого и всеобщего хозяйственного кризиса, и, сказав, что такие кризисы в будущем вряд ли могут произойти, он воображает, что уже уничтожил всю «теорию катастроф». Он нам октроирует свои шаблоны и затем доказывает, что эти шаблоны совершенно шаблонны. А затем он приходит в дикий восторг от этих дешевых триумфов. Это вид из того тона, каким он поучает «догматиков».

Вы, конечно, помните, высокочтимый и дорогой товарищ, как очень многие товарищи на Штутгартском партийном съезде порочили тон, в котором Парвус полемизировал против Бернштейна. Я тоже полагаю, что, если бы Парвус полемизировал в ином тоне, Бернштейн не имел бы предлога замкнуться в молчании. Тогда весь мир мог бы ясно увидеть поразительную бедность мысли Бернштейна. Поэтому и я сожалею, что Парвус не сдерживал себя. Но в то же время я вполне понимаю его негодование. По моему крайнему разумению, его вполне оправдывали и обстоятельства. Кроме того, никто из тех, кто порицал Парвуса, не обратил внимания на неприятный тон самого Бернштейна. Это был тон самоуверенной самодовольного педантизма. Когда я читал поучения Бернштейна по адресу «догматиков германской и частью английской социал-демократии», я себе сказал: если бы Санчо Панса был назначен губернатором, а профессором социальных наук и если бы его природный здравый смысл подвергся внезапно помрачению, он бы удивился не в какой-либо иной, а именно в бернштейновский тон. Я знаю: *de gustibus non est disputandum* — вкусы бывают различные, но я думаю, что многим такой тон гораздо антипатичнее, чем горячий, страстный тон.

Вы сами признаете, высокочтимый и дорогой товарищ, что были поражены бессодержательностью той серии статей, которой Бернштейн дал многообещающий заголовок «Проблемы социализма». И все-таки вы говорите, что эти бессодержательные статьи побуждают нас к размышлению. Вы заранее, расположены в пользу Бернштейна и поэтому вы очень неправы.

Вы говорили в Штутгарте: «Бернштейну ставили в укор, что его статьи ослабляют нашу уверенность в победе, сковывают руки борющемуся пролетариату. Я не разделяю этого взгляда... Если статьи Бернштейна, действительно, заставили того или другого поколебаться в своих убеждениях, то это было бы лишь доказательством, что убеждения вкоренились не очень глубоко и что они воспользовались первым случаем, чтобы повернуть нам спину, и в таком случае мы

можем радоваться, что это произошло уже теперь, а не во время катастрофы, когда у нас каждый человек будет на счету».

Кого же статьи Бернштейна могли обескуражить? Очевидно, лишь того, кто хотя бы временно стал на новую точку зрения Бернштейна. Переход на эту точку зрения должен был необходимо привести всякого логически мыслящего человека к полному разрыву со старой социал-демократической программой. Но такого рода перемена фронта не может быть никем проделана безнаказанно, она должна неизбежно, хотя бы только и на время, ослабить его энергию; к тому же энергия тех, кто занял точку зрения Бернштейна, имеет очень мало общего с той, которая свойственна уверенной в своей победе социал-демократической партии. Они должны необходимо понимать борьбу иначе, чем мы, а следовательно, и их уверенность в победе должна существенно отличаться от нашей. Поэтому приходится сказать, что необходимая нашей партии энергия была ослаблена в прямом отношении к числу тех, кто хотя бы временно примкнул к Бернштейну. Подобно Вам, я тоже думаю, что международная социал-демократия не имеет основания придавать особенное значение преданности таких людей, что она, скорее, имеет все основания желать, чтобы они покинули ее ряды раньше, чем для нее пробил час серьезных испытаний. По моему мнению, наше строгое суждение о таких людях вполне обосновано. Но мне кажется, что Вы непоследовательны, что если бы Вы решились быть последовательным, то должны были бы еще строже судить о человеке, влиянию которого подпали эти люди, т. е. о самом Эдуарде Бернштейне.

Я отнюдь не хочу вмешиваться во внутренние дела германской социал-демократии и решать, следовало ли Вам принимать статьи Бернштейна в «*Neue Zeit*» или нет. Мне ничего подобного и в голову не приходит. Но Вы ведь сами знаете, высокочтимый и дорогой товарищ, что в Штутгарте дебатам подлежали вопросы, имеющие огромное значение для социал-демократии всего мира. И только поэтому я решил обратиться к Вам с настоящим письмом. Вы говорите, что полемика с Бернштейном, собственно, только теперь начинается. Я с этим не совсем согласен, ибо поставленные Бернштейном вопросы были в значительной мере приближены к своему решению статьями Парвуса. Это составляет большую заслугу Парвуса перед пролетариатом всех стран. Но не об этом идет речь. Самое главное в том, что, вновь начиная полемику с Бернштейном, мы должны помнить упомянутые мною слова Либкнехта: будь Бернштейн прав, мы могли бы похоронить нашу программу и все наше прошлое. Мы должны настаивать на этом и **откровенно объяснить** нашим читателям, что сейчас речь идет вот о чем: кому кем быть похороненным: **социал-демократии Бернштейном** или **Бернштейну социал-демократией**? Я лично не сомневаюсь и никогда не сомневался в исходе этого спора. Но разрешите мне, высокочтимый

и дорогой товарищ, в заключение своего письма еще раз обратиться к Вам с вопросом: действительно ли мы обязаны благодарностью человеку, который наносит жестокий удар социалистической теории и стремится (сознательно или бессознательно, это различно) похоронить эту теорию на радость солидарной «реационной массе»? Нет, нет и тысячу раз нет. Не благодарности ишей заслуживает такой человек!

Ваш искренне преданный
Г. Плеханов

Печатается по изданию:

Плеханов Г. В. Соч. Т. 11. М., 1923. С. 23—35.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Европейская политическая мысль и возникновение ревизионизма	3
Плеханов Г. В. Сила и насилие. (К вопросу о революционной тактике)	19
Бернштейн Э. Борьба социал-демократии и революции общества	27
Плеханов Г. В. За что нам его благодарить? Открытое письмо Карлу Каутскому	41
Зомбарт В. К критике экономической системы Карла Маркса	53
Бернштейн Э. Предпосылки социализма и задачи социал-демократии	84
Люксембург Р. Социальная реформа или революция?	158
Каутский К. Бернштейн и социал-демократическая программа.	207